СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

4 декабря 1986 г.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОНСТАНТИНА КОРОВИНА

«...передача этой радости и есть суть картины, куски моего холста, моего я... Оттого-то я люблю... искусство, дружбу, солнце, реку, цветы, смех, траву, природу, дорогу, цвет, краску, форму...» Так сам Константин Алексеевич Коровин говорил о своем творчестве. И восторг перед жизнью, влюбленность в нее — темы произведений художника, художника богато одаренного, самобытного, истинно русского.

Дом в Охотино

«У меня был чудесный новый дом из соснового леса, — вспоминал Константин Алексеевич, — близ станции Итларь, поблизости речки Нерли... В моем доме, в лесу, у самой речки, пахло сосной. В большой комнате — мастерской — шипел самовар... Деревенские лепешки, ватрушки, пирожки... А в окна видны были горящие на солнце сосны, проталины и лужи у сарая...» Коровин построил его в 1897 году в деревне Охотино, ныне Ярославской области. Здесь он подолгу жил, много и вдохновенно работал. Окружающие леса, широкие лесные дали, речные омуты, рыбная ловля, охота, походы за грибами служили ему источником жизненной и творческой силы. Именно в Охотино были созданы многие выдающиеся произведения, которые ныне украшают Третьяковскую галерею, другие музеи страны. Охотино — большой период в жизни, в искусстве Коровина. Недаром, будучи уже за границей, Константин Алексеевич посвящает Охотино, которое являлось для него любимой частью Родины, России, лучшие свои очерки и рассказы. Признаться в одном из писем: «С великим счастьем вспоминаю Россию и своих друзей — и природу, и снег, и дождик, и небо серое, и траву ковыль, и избушку — и дым из трубы мастерской своей в Охотино, и друзей...»

В Охотино бывали Шалапин, писатели Куприн и Мамин-Сибиряк, художники Серов, Мешков, Яковлев. Однажды его дом посетил Горький, что послужило темой очерка Коровина, который так и называется «Приезд Горького». А Шалапин даже рядом построил по проекту Коровина и свой дом.

Ирина Шалапина вспоминает об одном из вечеров в коровинском доме: «...уютно и тепло.

Горят наскоро воткнутые в пустые бутылки свечи. От деревянных стен пахнет смолой, и так приятно выпить чаю с горячим молоком, а потом погреться у жарко натопленной печи. Серов, всегда любивший подзагорить кого-либо, немного подсмеивается над умаявшимся, лежащим на железной кровати и укрытым овчиной Коровиным, беседующим о разных рыболовных делах с крестьянином Василием Князевым. И тут же, вдохновленный всей обстановкой и подстрекаемый отцом, Серов пишет чудесный этюд «Разговор о рыбной ловле и прочем...».

Что сейчас представляет собой охотинский дом Коровина? К счастью и удивлению, он сохранился почти в неприкосновенности. Даже является памятником местного значения. Но памятником чисто номинальным. На нем нет даже мемориальной доски, иного достопамятного знака. Ярославское областное управление культуры не захотело возиться с этим домом, проявило к его судьбе полное безразличие. Свои о доме «заботы» ограничило лишь передачей его в аренду Мытищинскому заводу художественного литья, который устроил здесь базу отдыха, точнее склад инвентаря.

Но по существу коровинский дом остается без всякого должного использования и серьезной охраны.

Как надежно сохранить дом Коровина? Как сделать его мемориальным, истинным памятником? Конечно же, организовать в нем музей, посвященный не только Коровину, но и Шалапину, Горькому, Серову, друзьям из охотинских крестьян Константина Алексеевича. Экспонаты? В Переславль-Залесском историко-художественном музее хранятся личные вещи художника, мебель из его охотинского дома, три его картины. В их числе «Утро в Охотино» и «Зима», здесь же им написанные. Около двадцати шалапинских экспонатов. Его личные вещи, кинжал, подаренный Горьким великому артисту, мебель, книги, старые пластинки с записями песен, им исполненных...

В чем же дело? До Охотино трудно добраться. От Переславль-Залесского до деревни — более сорока километров, дорога частью почти непроезжая. Туристов туда не повезешь. Потом — штаты, охрана... Словом, проблемы серьезные.

Директор Переславль-Залесского музея Михаил Михайлович Семенов предлагает перевезти коровинский дом на территорию музея, а уж здесь сделать его мемориальным.

— Нас очень беспокоит его судьба, — говорит он. — Обратились в областное управление культуры — от нас просто-напросто отмахнулись. В Охотино дом никому не нужен, он никак не используется. Мы перевезли бы его своими силами — это несложно. Сами и отреставрировали. И тогда он стал бы «работать» во славу Коровина, Шалапина, Горького, Серова, во славу нашей современности! Экспонатов у нас достаточно. Ведь из всех 85 тысяч единиц хранения показываем лишь пять тысяч. Остальные — в запасниках. Коровинский дом дал бы нам возможность представить посетителям некоторые из них...

Словом, специалистам при обязательном участии Министерства культуры РСФСР и областного управления культуры следует обсудить все варианты сохранения памятника.

Цветы последние...

В Ярославском художественном музее хранится большая, необычная и, пожалуй, единственная в своем роде коллекция, состоящая из одиннадцати картин Коровина. Чем же она отличается от иных собраний его работ? Тем, что представляет творчество художника последних лет его жизни, парижского периода.

Во Франции Константин Алексеевич живет трудно, в нужде и лишениях. Его преследуют неудачи, беды. Не состоялась его персональная выставка — основная цель поездки за границу. Он стал болеть. Житейская непрактичность делала его жертвой разных мошенников. Его картины не имели успеха у западных ценителей искусства. Он признается, что «живопись прокормить его уже не может».

Но главное — Коровин тоскует по России. «Я видел много стран, — пишет он. — И нигде нет отрадно печального чувства, необычайного замана, глубокой красоты, мечты тревожной, как в весеннем вечере России...» И во Франции он остается навздох русским художником. Хотя его творчество здесь не поднялось на какую-то новую, более высокую ступень, но произведе-

ния, им созданные, по-прежнему поражают истинно коровинской живописностью, блестящей техникой, виртуозностью исполнения, жизнелюбием и праздничностью. Упадки мастерства, как иногда утверждают, у него не было. Тому несомненное подтверждение — картины, исполненные во Франции в 1930-е годы и ныне находящиеся в Ярославле.

Кстати, в Париже нет ни одного музея, где можно познакомиться с его работами. Они разошлись по рукам, многие из них исчезли безвозвратно. Поэтому столь большое значение приобретает ярославское собрание.

Как оно оказалось в Ярославле? Это дар городу Гали Николаевны Соловьевой-Барбизан, дочери известного ярославского врача Николая Васильевича Соловьева, до сего времени весьма почитаемого. Его именем названа больница, около нее ему установлен памятник. Гали Николаевна закончила студию Юрия Завадского, играла на сценах разных театров. В конце двадцатых годов вышла замуж за итальянского инженера, работавшего на одном из советских предприятий, и уехала с ним во Францию. Здесь-то она и познакомилась с Коровиным. Они подружились, он часто бывал в ее доме. В тяжелые для художника годы она помогала ему, чем могла. Константин Алексеевич в благодарность дарил ей свои работы или же продал их за бесценок.

— Бери, бери, — убеждал он Гали Николаевну. — Не пожалейшь...

Как он оказался прав! Но, конечно, художник не подозревал, что картины попадут на Родину. Сам же умер в Париже 11 сентября 1939 года и похоронен на кладбище Бийанкур.

В конце 1950-х годов Гали Николаевна решила передать картины Коровина родному городу. Тем более что здесь живут ее дочь — Светлана Богдановна Неведомская и внучка — Марина Александровна Соловьева, в то время сотрудница художественного музея. Гали Николаевна приехала в Ярославль, в торжественной обстановке вручила музею картины.

Да, коллекция отменная! Прежде всего — «Монмартр вечером» и «Париж. Сен-Дени», которые как бы продолжают серию художника 1900-х годов «Огни Парижа». Константина Алексеевича еще с первой поездки во Францию

привлекал вечерний и ночной Париж — в сумрачной синеве неба, в холодном свете газовых фонарей, в манящей туманной перспективе улиц...

Как всегда, его натюрморты — щедрые, богатые по цвету, насыщенные жизнелюбием и радостью бытия. Любимые им «Розы», «Розы на фоне моря», «Фрукты и клубника», «Натюрморт с фруктами и бутылкой», «Натюрморт с рыбами», «Натюрморт с омаром», «Лещи на зеленом столе»...

— Все же в этих работах, — говорит заместитель директора Ярославского художественного музея по науке Любовь Леонидовна Юрова, — есть нечто, отличающее их от более ранних подобных произведений. Это иное состояние художника, что ли, ощущаемое не столько в каждом отдельном холсте, сколько во всей коллекции. Пейзажист Коровин все чаще обращается к натюрмортам. Постепенно в них исчезают пейзажные фоны, сужается тематический диапазон. Искусство Коровина, оторванное от родной почвы, лишенное признания и понимания, становится как бы его личным, частным делом...

Очень точно подмечено!

Ярославский музей имеет также несколько дореволюционных работ Коровина. Среди них — «Корабли, Марсель», одна из первых его французских работ, исполненная еще в 1900 году.

...В своих воспоминаниях о Шалапине, написанных за рубежом, Константин Алексеевич приводит слова великого артиста:

— Я куплю имение на Волге, близ Ярославля. Понимаешь ли, гора, а с нее видна раздольная Волга, заворачивает и пропадает вдали... И завещаю похоронить меня там, на холме...

И такой беспредельной тоской по русским, ярославским местам веет от его слов! Будто бы не о Шалапине — о себе думал Коровин. Не предполагал он, что картины, исполненные им тогда же, когда писались эти строки, попадут именно в Ярославль. Из окон зала, в котором они экспонируются, открывается вид на столь желанное ему волжское раздолье...

Евграф КОНЧИН,
наш спец. корр.

ЯРОСЛАВЛЬ.